

ДЖОН ГЛАТТ

СПРЯТАННЫЕ

**ИСТОРИЯ 13 ДЕТЕЙ,
ВЫРОСШИХ В ПЛЕНУ
У РОДИТЕЛЕЙ**

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г52

John Glatt
THE FAMILY NEXT DOOR:
THE HEARTBREAKING IMPRISONMENT OF THE THIRTEEN TURPIN
SIBLINGS AND THEIR EXTRAORDINARY RESCUE

Copyright © 2019 by John Glatt

Глатт, Джон.

Г52 Спрятанные: история 13 детей, выросших в плену у родителей / Джон Глатт ; [перевод с английского И. Д. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Голоса вопреки. Реальные истории, которые потрясли мир).

ISBN 978-5-04-229258-3

14 января 2018 года семнадцатилетняя Джордан Тёрпин выбирается через окно дома в Перрисе, штат Калифорния, и звонит в 911. Дрожащим голосом она сообщает, что они с братьями и сестрами находятся в плену у родителей. В семье тринадцать детей, говорит девушка, а две ее сестры прикованы цепями к кроватям. Когда диспетчер просит назвать адрес, Джордан запинаясь: «Я никогда раньше не выходила наружу».

Прибывшие полицейские были потрясены увиденным: истощенные дети в возрасте от двух до двадцати девяти лет, некоторые прикованы к кроватям, многие выглядели значительно младше своего возраста. Дом был грязным и зловонным, а за дверями обычной многодетной семьи годами существовал полностью закрытый мир страха, наказаний и жестокого контроля.

Джон Глатт шаг за шагом восстанавливает историю семьи Тёрпин — о том, как обычная на первый взгляд многодетная семья постепенно превратилась в систему тотального насилия и как одно из самых шокирующих дел современной Америки долгие годы оставалось незамеченным.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229258-3

Посвящается Одри и Мэвису Хириберг

ПРЕДИСЛОВИЕ ПСИХИАТРА

В январе 2018 года семнадцатилетняя Джордан Тёрпин выбралась через окно дома в калифорнийском Перрисе и позвонила в 911 с отключенного мобильного. Разговор с диспетчером стал едва ли не первым в ее жизни разговором с посторонним человеком. Так мир узнал о семье, которую соседи считали замкнутой, но в целом обычной: тринадцать детей от двух до двадцати девяти лет, годы голода, грязи и наказаний; некоторых приковывали цепями к кроватям. Джон Глатт восстанавливает хронику дела по документам и свидетельствам. Задача этой статьи — объяснить, что происходило с психикой детей и почему привычные вопросы к этой истории сформулированы неверно.

Внимание привлекают самые наглядные детали: побои, цепи, лишение еды. Но психику разрушает не только физическое насилие — разрушает сама организация повседневной жизни. Ребенок не рождается со знанием о том, как должна быть устроена семья: он принимает окружающую реальность за норму. Если родители полностью контролируют еду, сон, передвижение и любые контакты с внешним миром, подчинение перестает быть выбором — это единственный известный способ существования.

Психологи выделяют два измерения неблагоприятного детского опыта: угрозу и депривацию. Угроза — это насилие и необходимость постоянно следить за призна-

ками опасности; депривация — отсутствие того, что нужно для развития: общения, обучения, заботы. В семье Тёрпин было и то и другое сразу, и все это в полной изоляции, которая работала как усилитель. Изоляция лишает ребенка не только потенциальных спасителей — она не дает понять, что происходящее ненормально. Чтобы распознать насилие, нужно иметь с чем сравнивать: чужие дома, школу, сверстников, врачей. У детей Тёрпин такого опыта почти не было.

Вопрос «почему они не ушли?» чаще всего задают о старших: семеро из тринадцати были совершеннолетними. Но их взрослость существовала только в свидетельстве о рождении. Самостоятельность складывается из тысячи скучных умений — купить билет, снять деньги, заполнить бумагу, спросить дорогу у незнакомого человека, — и старшие Тёрпины не делали почти ничего из этого никогда. Для побега мало открытой двери: нужно увидеть в ней выход — представить другую жизнь, пересилить страх наказания, всемогущество родителей в собственной голове и вину перед теми, кто останется. Покорность, со стороны похожая на пассивность, здесь — стратегия выживания: не спорить, не привлекать внимания, угадывать настроение взрослых до того, как прозвучит требование.

У того, что годами происходило в этом доме, есть клиническое имя — *комплексное посттравматическое стрессовое расстройство*, КПТСР. Диагноз сравнительно молодой: ВОЗ внесла его в действующую классификацию болезней именно потому, что последствия многолетнего абьюза и/или плена — семейного, военного, сектантского — не уместались в рамки обычного ПТСР. При классическом ПТСР человек непроизвольно возвращается к травматическим событиям, избегает напоминаний о них и продолжает ощущать угрозу, когда опасность давно миновала. КПТСР добавляет к этому нарушения эмоциональной регуляции, негативное от-

ношение к себе, пропитанное стыдом и виной, и серьезные трудности в близких отношениях.

Разумеется, диагноз ставят на очном обследовании, а не по судебным материалам. Но про сами условия никакой осторожности не нужно: в доме Тёрпинов сошлось все, из чего комплексная травма обычно и вырастает. Насилие началось рано, продолжалось годами и исходило от людей, от которых дети полностью зависели; рядом не было ни одного безопасного взрослого, а выхода практически не существовало.

Одно из последствий — постоянная настороженность. Психика, которая годами определяла по шагам, лицу и интонации взрослого, последует ли наказание, не переживает в день освобождения: нейтральный вопрос воспринимается как проверка, повышенный голос — как начало нападения.

Возможна и противоположная реакция — оцепенение. Когда нельзя ни убежать, ни сопротивляться, психика приглушает переживания. Поэтому пострадавший иногда рассказывает о страшных событиях ровным голосом, путается в хронологии или смеется от напряжения. Со стороны это выглядит подозрительно: присяжные и журналисты не раз отказывали жертвам в доверии из-за «слишком спокойного» рассказа. Для клинициста же ровный голос — такой же след травмы, как слезы.

Хроническое насилие меняет и отношение к себе. Ребенку легче решить: «Со мной так поступают, потому что я плохой», — чем признать, что опасность исходит от того, от кого зависит его жизнь. Самообвинение дает иллюзию контроля — кажется, наказания можно избежать, если стать достаточно послушным, — и со временем превращается в хронический стыд и чувство неполноценности.

Выросшие в тяжелой изоляции нередко выглядят намного младше своих лет: бедный словарь, отсутствие бытовых навыков, трудности с планированием. Это лег-

ко принять за необратимое снижение интеллекта — но отсутствие навыка не значит отсутствия способности. Самый убедительный ответ дают румынские сироты. После падения режима Чаушеску тысячи детей из переполненных государственных приютов были усыновлены европейскими семьями, и психологи наблюдают за ними уже больше тридцати лет. Картина такая: в безопасной среде большинство стремительно наверстывает и рост, и речь, и интеллект, но у тех, кто провел в депривации дольше всего, часть трудностей не уходит и во взрослой жизни. Мозг ребенка пластичнее, чем кажется, просто пластичность не безгранична.

Значит ли это, что все можно наверстать? Бытовое и социальное — во многом да: выучиться, работать, водить машину. С психикой сложнее: комплексная травма не проходит полностью — с ней учатся жить, и обычно это история на всю жизнь. Тело помнит то, что сознание предпочло бы забыть: запах, звук шагов, интонация способны запустить телесный флешбэк — сердцебиение и ужас без видимой причины; возвращаются кошмары; случается диссоциация — человек посреди разговора будто выключается и смотрит на себя со стороны. Терапия смягчает это и делает управляемым, но спасение — не финал истории, а начало самого долгого ее этапа.

Для детей из закрытой семьи первым кругом поддержки часто становятся братья и сестры — единственные, кто видел происходившее и может подтвердить воспоминания друг друга. Общая память противостоит отрицанию: если ребенка годами заставляли сомневаться в собственном восприятии, слова брата или сестры помогают снова доверять себе. После освобождения эта связь работает и практически — от совместного освоения быта до защиты младших. Джордан решила на побег не только ради себя, но и ради сестры, которую оставили прикованной к кровати.

Идеализировать эти отношения не стоит. Родители в таких семьях сталкивают детей, назначают любимчиков и виноватых; после освобождения у братьев и сестер различаются и воспоминания, и способы справляться — один готов говорить публично, другой нет, и обе реакции законны. Но именно надежные отношения, в семье и за ее пределами, помогают преодолеть главное наследие закрытой системы — недоверие к людям и одиночество.

Плен заканчивается не в тот момент, когда открывается дверь. Физическое освобождение можно связать с датой; психологическое возвращение к себе состоит из множества первых шагов: сказать «нет» и не ждать наказания, самому выбрать еду, закрыть дверь по собственному желанию, ошибиться — и обнаружить, что мир не рушится.

Поэтому правильнее спрашивать не о том, почему дети Тёрпин так долго терпели, а о том, какие условия делали побег почти невозможным — и что должно было произойти, чтобы одна из них смогла представить себе иной исход. И еще один вопрос: что общество обязано сделать для тех, перед кем наконец открылась дверь?

Травма меняет развитие человека, его отношение к себе и способность доверять другим. Но она не определяет личность и судьбу окончательно. Выжившие — не только люди, с которыми произошло нечто страшное. Это люди, которым впервые предстоит узнать, кем они могут стать за пределами навязанного им мира.

Пролог ■

Около половины шестого, в холодное воскресное утро, семнадцатилетняя Джордан Тёрпин с тринадцатилетней сестрой Джолиндой вылезли в окно своей спальни на первом этаже. Было еще темно, когда они на цыпочках прокрались через задний двор на Мюир-Вудс-роуд в Перрисе, Калифорния.

Опасаясь за свою жизнь, две перепуганные девочки проскользнули мимо соседских домов и свернули на Президио-лейн. Внезапно Джолинде стало так страшно, что она развернулась, побежала назад и через окно вернулась в спальню. Джордан осталась одна.

С их переезда в Перрис тремя с половиной годами ранее Джордан бывала на улице редко и совсем не знала город. Она и ее двенадцать братьев и сестер всю жизнь прожили пленниками. А тюремщиками были их собственные родители, управлявшие детьми с помощью насилия и пыток.

Их держали впроголодь, позволяли мыться не чаще раза в год, и они месяцами ходили в одной и той же заскорузлой одежде. Официально дети находились на домашнем обучении, но у всех — а их возраст разнился от двух до двадцати девяти лет, — толком не было даже начального образования и базовых представлений о жизни.

Джордан готовила свой побег больше двух лет. Около года назад они узнали, что их отцу, инженеру, по работе придется переехать в Оклахому. К январю 2018 года семья была готова переезжать; бежать надо было сейчас или никогда. К тому же у Джордан наконец-то появилось средство спасения: старый деактивированный мобиль-

ный телефон, который дал ей брат. Девушка молилась, чтобы по нему все равно получилось дозвониться до спасательных служб, как ей говорили.

В 5:51 руками, трясущимися от страха, Джордан набрала 911 и вырвалась в окружающий мир.

Расположенный в семидесяти милях к юго-востоку от Лос-Анджелеса, Перрис гордится своей семейственностью: там отличные школы, на улицах безопасно, и для детей имеется масса возможностей. Мюир-Вудс-роуд была элегантной улицей с подстриженными газонами и садовыми гномами; люди там хвастались своим благополучием.

Внешне ничто не говорило, что дом 160 по Мюир-Вудс-роуд отличается от остальных. Когда Дэвид и Луиза Тёрпин с двенадцатью детьми переехали туда в мае 2014 года, это было образцовое жилье в новом квартале Монумент-Парк. Они стали одной из первых семей, перебравшихся туда.

В следующие четыре года Тёрпины редко выходили, разве что за почтой к общему ящику, и держались сами по себе.

— Никто не знал, что у них двенадцать детей, — говорила Линдсей Галтлин, жившая по соседству. — Я думала, их один или два.

Правда, Дэвид Тёрпин, которому к тому времени исполнилось пятьдесят семь, заметно выделялся из толпы со своими светлыми волосами, подстриженными под горшок, как у капитана Кенгуру¹. Соседи знали, что он работает инженером-авиаконструктором в «Нортроп Грумман» и зарабатывает шестизначные цифры. Свер-

---

¹ Капитан Кенгуру — персонаж и ведущий популярного американского детского телешоу Captain Kangaroo (1955—1984), известный своей старомодной стрижкой «под горшок». (Здесь и далее прим. ред.)

кающий автопарк из трех машин и микроавтобуса на пятнадцать мест был тому подтверждением.

Однако за закрытыми дверями все выглядело совсем по-другому. Дэвид и его жена Луиза сорока девяти лет превратили свой дом в грязный вонючий карцер, где держали под замком собственных детей. Они требовали, чтобы их называли *Мать* и *Отец*, как в библейские времена.

Запертые по четверо в комнате, их истощенные дети часто подвергались побоям и целыми месяцами сидели, прикованные к мебели. В число проступков, за которые полагалось наказание, входило мытье выше ладоней — «возня с водой», — воровство еды, развлечения с игрушками и даже выглядывание сквозь жалюзи.

Они жили в сумеречном мире, спали днем и бодрствовали по ночам. Единственная еда, которую они получали за день, всегда была одной и той же: сэндвич с арахисовым маслом и буррито. Старшая дочь, Дженнифер, которой через полгода исполнялось тридцать лет, весила всего тридцать шесть килограммов.

На Рождество двадцатипятилетний Джошуа получил новый мобильный телефон и отдал сестре Джордан свой старый, деактивированный. Знакомый по интернету сказал ей, что она все равно сможет позвонить 911.

В доказательство ужасов, творившихся в доме, Джордан потихоньку сняла на мобильный двух младших сестер, прикованных к двухъярусной кровати, в их собственных испражнениях. Она также оторвала клочок конверта с их домашним адресом, потому что сама его не знала.

— 911, что у вас случилось? — откликнулась диспетчер Келли Экли.

— Понимаете, — начала Джордан, едва дыша, — я живу в семье из пятнадцати человек, и родители плохо с нами обращаются. Они издеваются над нами, и две мои млад-

шие сестры прямо сейчас прикованы к кроватям. Они приковывают нас, если мы делаем то, чего не должны делать.

Высоким детским голоском Джордан рассказала диспетчеру, что больше не может слышать, как ее младшие сестры ночи напролет плачут от боли, потому что родители так крепко приковали их к кроватям.

— Они просыпаются по ночам и начинают рыдать и просить меня, чтобы я кого-нибудь позвала, — объясняла она. — Я решила позвать вас, чтобы вы помогли моим сестрам.

Пораженная, диспетчер подумала, что звонит маленькая девочка, и спросила ее фамилию.

— Т-ё-р-п-е-н, — сказала Джордан с ошибкой.

На вопрос про домашний адрес Джордан ответила, зачитав цифры с конверта, 925707774: индекс плюс номер дома.

Экли спросила, находится ли она где-то поблизости.

— Да, наверное, — сказала Джордан. — Я никогда не выходила на улицу. Я вообще редко выхожу и ничего не знаю про улицы и все такое.

В следующие двадцать минут Джордан спокойно описала нечеловеческие методы, которые ее родители применяли в воспитании.

— Мне кажется, у отца есть пистолеты, — упомянула она, добавив, что, хотя не видела их, «они про них говорили».

Когда диспетчер спросила, ходят ли дети в школу, Джордан ответила отрицательно.

— Наша мать всем говорит, что мы в частной школе, — объяснила она, — но на самом деле мы нигде не учимся. Я даже первый класс не закончила, а мне семнадцать лет.

Экли спросила, есть ли в доме лекарства. Джордан сказала, что не знает, что такое *лекарства*.

Шокированная услышанным, Экли спросила, где сейчас ее мать, и Джордан ответила, что плохо ее знает.

— Мы ей не нравимся, — сказала она дрожащим голосом. — Она никогда не проводит с нами время, совсем. Я сама о себе забочусь, а мать дает нам еду, но мы никогда не разговариваем.

Она перечислила своих братьев и сестер с указанием возраста и добавила, что тому, о котором «мать правда заботится», сейчас два года.

Дом, говорила она, такой грязный, что иногда, проснувшись, невозможно дышать из-за вони. Хватая ртом воздух, она открывает окно, чтобы отдышаться, но ее могут избить, если застигнут с поличным.

— Мы никогда не моемся, — продолжала Джордан деловито. — Я не знаю, не нужно ли кому-то из нас к врачу.

На вопрос, когда она в последний раз принимала ванну, Джордан не смогла ответить сразу.

— Ну... не знаю, — пробормотала она. — Где-то год назад. Иногда я чувствую себя такой грязной, что мою лицо и волосы в раковине.

Джордан сказала диспетчеру, что ее с другими детьми Мать и Отец держат в доме, как пленников.

— Они не разрешают нам уезжать, — вздохнула она. — Некоторые из нас хотели устроиться на работу, а те сказали, этого никогда не будет.

После звонка Джордан сотрудники департамента шерифа округа Риверсайд помчались к ней и уже на месте встретились с офицерами из департамента полиции Перриса.

Впервые увидев Джордан, они подумали, что ей лет десять. Закаленные полицейские были шокированы тем, как отвратительно от нее пахло, и что вся кожа девушки была покрыта запекшейся грязью. Когда она показала им в телефоне фотографии двух младших сестер в цепях, копы прямиком поехали в дом 160 по Мюир-Вудс-роуд, проводить проверку условий проживания.

Услышав громкий стук в переднюю дверь и увидев полицейские мигалки, Луиза Тёрпин немедленно приказала освободить двоих девочек. Старшая сестра побежала в их спальню, открыла замки на цепях, а сами цепи побросала в шкаф.

Одиннадцатилетняя Джулисса, которая была прикована, позднее сказала детективам, что когда она услышала стук и увидела вспышки света, то поняла: у Джордан получилось, и они скоро станут свободны.

Когда входная дверь наконец открылась, офицеры ворвались внутрь. Хотя вонь там стояла невыносимая, даже она не подготовила копов к ужасам, ожидавшим их в комнатах. На одном из них была мобильная камера, фиксировавшая все происходящее.

В одной из спален они нашли Джонатана Тёрпина, все еще в цепях. Пока его освобождали, он вел себя так, будто это в порядке вещей. У двух его младших сестер, с которых только что сняли цепи, на грязной коже остались белые полосы там, где находились оковы.

Другие девять детей теснились в душных спальнях, пропахших испражнениями. Все они были грязные, вонючие и истощенные.

— Там было ужасно грязно, — говорил капитан департамента шерифа округа Риверсайд Грег Феллоуз, — и условия были невыносимые.

От шума на улице проснулась Арасели Олозагасте, жившая от Тёрпинов через дорогу. Она выглянула за занавески и увидела, как копы выводят Дэвида и Луизу Тёрпин из дома в наручниках. Дэвид безудержно рыдал; Луиза держалась равнодушно.

— Она только кашляла, — вспоминала Олозагасте, — и как-то странно вела себя, когда полицейский с ней заговорил. Ухмылялась, глядя на него. А потом дважды сплюнула на землю.